

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

И. М. СМЛЯНСКАЯ

К. М. БАЗИЛИ — РОССИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ И ИСТОРИК СИРИИ

Константин Михайлович Базили, известный дипломат, популярный в литературных кругах России первой половины XIX в. писатель, был разносторонне образованным человеком. Он опубликовал свыше двадцати пяти печатных работ, среди них книги о Турции, Греции, восточном вопросе. Но подлинным вкладом в изучение Востока стало его сочинение «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях»¹.

Несмотря на то что эта книга была первым в мировой литературе трудом о новой Сирии, написанным с позиций буржуазной историографии, она до сих пор не привлекала внимания исследователей. Имя автора «Сирии и Палестины» упоминалось лишь в общих очерках по истории русской арабистики с краткой, хотя и высокой оценкой его труда². Дипломатическая дея-

¹ К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях*, ч. 1 и 2, Одесса, 1862. — Первый понял значение этого сочинения Базили и высоко его оценил Н. В. Гоголь. Ознакомившись с рукописью книги во время своего пребывания в феврале 1848 г. в Сирии, Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Базили нашел предивительную вещь, которая покажет Европе Восток в его настоящем виде, под заглавием: „Сирия и Палестина“, знаний бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XIV, Изд. АН СССР, 1952, стр. 163).

² См.: И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950; А. И. Першиц, *Из истории русских этнографических наблюдений в арабских странах Азии* («Труды Института этнографии АН СССР», новая серия т. XXX, М., 1956, стр. 255—356). — В статье содержится оценка этнографических материалов в сочинениях Базили. Биография Базили достаточно полно изложена в книгах «Лицей князя Безбородко» (СПб., 1859) и «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко» (изд. 2, СПб., 1881). Дополнительные сведения биографического характера содержатся в литературе о Гоголе. Материалы, характеризующие дипломатическую деятельность Базили, хранятся в Архиве внешней политики России

тельность Базили также не нашла отражения в исторической литературе.

Настоящая статья, не претендуя на полное освещение затронутых вопросов, имеет целью рассмотреть идейное и научное развитие Базили, его консульскую деятельность, наложившую отпечаток на политическое направление его сочинения о Сирии, и, наконец, дать анализ исторических взглядов Базили.

* *
*

Вторая половина 20-х годов и 30-е годы XIX столетия, когда формировались общественно-политические взгляды Базили, характеризовались в России не только правительственной реакцией, но и ростом недовольства самодержавно-крепостническим строем в русских передовых общественных кругах, разбуженных восстанием декабристов. Прогрессивные течения в общественной мысли России не миновали Базили; они наложили отпечаток на его мировоззрение и отразились на его работах, в которых отчетливо звучат антикрепостнические мотивы. Вместе с тем немалое влияние на идейное развитие Базили оказала среда, в которой он провел детство, и политические события, забросившие его семью в Россию.

К. М. Базили родился 3 февраля 1809 г. в Константинополе, в зажиточной греческой семье, связанной с национально-освободительным движением Греции. Дед Базили, владелец крупных имений в Македонии, за участие в борьбе против турецкой власти в Албании был заочно приговорен к смертной казни и лишен всего имущества. Отец, Михаил Васильевич, женатый на дочери богатого греческого банкира, за связи с греческими националистами также был приговорен в 1821 г. к смертной казни, но успел бежать за пределы Османской империи благодаря помощи русского посла в Константинополе Строганова. Семья Базили, пережив ужасы греческих погромов в столице империи, позже тайно переправилась в Одессу³.

Эти биографические подробности объясняют сохранившийся у Базили на всю жизнь интерес к истории Турции и глубокое сочувствие национально-освободительной борьбе народов Османской империи.

Образование Базили получил в нежинской Гимназии высших

---

³ Впоследствии, когда Базили учился в нежинской гимназии, он поражал своих сверстников, среди которых был Гоголь, рассказами о событиях последних лет своего пребывания в Турции. Исследователи творчества Гоголя полагают, что рассказы Базили нашли отражение в юношеской поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен».

наук графа Безбородко, в пансион которой он был принят в 1822 г.⁴

Интересно остановиться несколько подробнее на пребывании Базили в Гимназии высших наук. Именно здесь начали формироваться его мировоззрение и определяться его научные интересы. В гимназии Базили безукоризненно овладел русским языком (он приехал в Россию, не зная ни слова по-русски) и приобрел обширные по тому времени познания в истории. Здесь он познакомился с передовой русской культурой и общественной мыслью. Вероятно, тогда же возникло у него решение навсегда остаться в России и считать ее своей родиной⁵.

Нежинская Гимназия высших наук, основанная в 1820 г., была привилегированным учебным заведением, предназначенным для «образования детей бедных и неимущих дворян Малороссийского края и приурочивания юношества на службу государству». Она отличалась от губернских гимназий «высшей степенью преподаваемых в ней предметов и особенными ей дарованными правами и преимуществами, которые, в частности, заключались в том, что в гимназии, как и в Царскосельском лицее, разрешалось изучать политико-юридические науки (например, естественное право). Учебный курс в гимназии приближался к университетскому, образование давалось всестороннее. В 1820-х годах преобладало преподавание гуманитарных наук⁶.

⁴ К этому времени семья Базили разорилась. Д. Иофанов в книге о Гоголе сообщает об обстоятельствах поступления Базили в гимназию: «Из неопубликованного архивного дела о воспитанниках, принятых в пансион нежинской Гимназии высших наук в 1822 г., хранящегося в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, видно, что почетный попечитель нежинской гимназии А. Кушелев-Безбородко отношением от 7 июля 1822 г. уведомил, что он предполагает направить в гимназию (на свой счет. — И. С.) «нескольких детей греческих семейств, ныне по смутным обстоятельствам находящихся в Одессе». В августе 1822 г. шесть греческих мальчиков прибыло в Нежин. Среди них был «Константин, сын Михайлы Базили, имеющий от роду 12 лет», как было указано в его свидетельстве. В письме от 1 августа 1822 г. новороссийский генерал-губернатор граф Ланжерон уведомлял директора нежинской гимназии И. С. Орлая, что «по причине крайней бедности родителей и родственников сих детей Одесская вспомогательная греческая комиссия снабдила их на путевые издержки необходимой денежной суммой» (Д. Иофанов, *Н. В. Гоголь*, Киев, 1951, стр. 194).

⁵ В конце 50-х годов, выходя в отставку после более чем 20-летней дипломатической службы, Базили говорил: «Судьбы Востока и личная моя судьба дали мне новое отечество — Россию».

⁶ В уставе гимназии указывалось: «Предметы учения в гимназии суть: 1-е закон божий, 2-е языки и словесности российской, латинская, греческая, немецкая и французская, 3-е география и история, 4-е науки физико-

В первое десятилетие существования гимназии ведущую роль в ней играли образованные педагоги, отличавшиеся прогрессивностью взглядов⁷. Среди первых выпускников гимназии были известные впоследствии писатели, художники и ученые: Гоголь⁸, Кукольник, поэт Прокопович, украинский поэт Гребенка, поэт-переводчик Любич-Романович, художник Мокрицкий, профессор права Редкин.

В гимназии учащиеся читали Руссо, Монтескье, Вольтера, Канта, хранили запрещенные цензурой сочинения Пушкина (ода «Вольность») и Рылеева («Исповедь Наливайки», «Войнаровский»). Здесь у Базили пробудился интерес к театру и ли-

математические, 5-е политические, 6-е военные и сверх того танцы, рисование, черчение» (Д. Иофанов, *Н. В. Гоголь*, стр. 135).

⁷ До 1826 г. директором гимназии был Орлай, широкообразованный человек прогрессивных убеждений. Орлай покровительствовал Базили. Между 1826 и 1829 гг., когда Орлай был директором Ришельевского лицея, Базили жил в его семье в Одессе. Орлая сменил К. В. Шаполинский, старший профессор математики, состоявший в 1818 г. членом киевской масонской ложи Соединенных славян. Шаполинский также хорошо относился к Базили. Профессор французского языка и словесности И. Я. Ландражен знакомил учеников с сочинениями Вольтера, Гельвеция, Монтескье. Естественное право в гимназии читал Н. Г. Белоусов, который в 1827 г. был обвинен в том, что своими лекциями сеял среди учеников вольнодумство. Это обвинение послужило началом «дела о вольнодумстве» в нежинской гимназии, которым непосредственно занимался Бенкендорф. Все три названных преподавателя, обвиненные в распространении вольнодумства, были уволены и сосланы по месту жительства. «Дело о вольнодумстве» подробно освещено в литературе. Среди последних работ по этому вопросу см.: С. И. Машинский, *Гоголь в нежинской гимназии* (сб. статей «Гоголь в школе», М., 1954); Д. Иофанов, *Н. В. Гоголь: А. С. Стогнут и И. К. Кононенко, Новые страницы к «делу о вольнодумстве» в нежинской гимназии высших наук* («Ученые записки Нежинского государственного педагогического института имени Н. В. Гоголя», т. IV—V, Киев, 1954). Донесли на Белоусова реакционные преподаватели, не отличавшиеся знаниями и не пользовавшиеся симпатиями той части учеников, к которой принадлежали Гоголь, Прокопович и Базили. Об отношении Базили к «делу о вольнодумстве» можно судить по следующему его замечанию в письме к Гербелю от 30 ноября 1857 г.: «...Я во-время вышел из гимназии, чтобы сохранить одни хорошие воспоминания. Шесть месяцев спустя пошел сплетни да следствие, в котором невинно пострадали добрые наши наставники Шаполинский, Белоусов, Ландражен, а все по просям ненавистных мужей Билевича да Андрюшенки» (Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр: Архив Гербея).

⁸ Между Гоголем и Базили возникли дружеские отношения, сохранившиеся на протяжении всей жизни великого писателя. Опубликованы письма Гоголя к Базили (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XIV), а также письма Базили и его жены к Гоголю (см.: В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. IV, М., 1897). Известны воспоминания Базили о Гоголе; они изданы в I и IV томах Шенроком. На связи Базили с Гоголем обратил внимание автора настоящей статьи Б. М. Данциг.

тературе, проявились и литературные наклонности. Вместе с Гоголем Базили участвовал в гимназических спектаклях, вдвоем они выпускали рукописный журнал «Северная заря»⁹.

В гимназии Базили начал серьезно заниматься историей¹⁰. Впоследствии свои познания в этой области он значительно пополнил.

В конце 1827 г. Базили уехал в Одессу и поступил в Ришельевский лицей, который окончил в 1830 г. В том же году он отправился в Турцию, а затем в Грецию. Отклонив предложение президента греческой республики Каподистрии¹¹ остаться в Греции, Базили поступил на русскую государственную службу в качестве драгомана при адмирале Рикорде, командовавшем отрядом русского флота в греческих водах. В 1833 г. вместе с Рикордом Базили посетил Константинополь. В декабре того же года он был «определен в действительную службу в Азиатский департамент Министерства иностранных

⁹ Из воспоминаний Базили о Гоголе: «Сверхклассные занятия наши не ограничивались театром. В 1825, 26, 27 годах наш литературный кружок стал издавать свои журналы и альманахи, разумеется, рукописные. Вдвоем с Гоголем, лучшим моим приятелем, хотя и не обходилось дело без ссор и без драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы ежемесячный журнал страниц на пятьдесят-шестьдесят в желтой обертке с виньеткими нашего изделия, со всеми притязаниями литературного обозрения. В нем были отделы беллетристики, разборы современных лучших произведений русской литературы... По воскресеньям собирался кружок человек в 15—20 старшего возраста, и читались наши труды, и шли толки и споры...» (В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. I, М., 1892, стр. 240—241).

¹⁰ Н. Кукольник в воспоминаниях о гимназии писал об увлечении воспитанников историей: «У нас многие гнушались проходить историю по Кайданову. Проходят крестовые походы — все читают Мишо и отвечают иногда даже к видимому смущению учености профессора, проходят историю Тридцатилетней войны — все читают собственный перевод Шиллера...» («Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 158). Соученик Базили Халчинский (1810—1856), служивший в 40-х годах XIX в. секретарем, а затем советником русского посольства в Константинополе, сообщает о гимназических занятиях Базили по истории: «В то же время (в 1825—1826 гг. — И. С.) составилось историческое общество под председательством старших из воспитанников гимназии Редкина и Любич-Романовича. Со всею смелостию детского возраста принялись пять или шесть воспитанников составлять полную всемирную историю в огромном размере. На долю Базили достались египтяне, ассирияне, персы и греки и он года в полтора написал тысячу или 1500 страниц сверх уроков по классам...» (там же, стр. 329).

¹¹ По сведениям биографов Базили, он отправился в Турцию с целью найти сохранившееся имущество отца. Позже на средства от продажи имущества Базили приобрел землю на юге России. По сообщениям Халчинского, президент Каподистрия, находившийся в дружеских связях с семьей Базили, хорошо принял Константина Михайловича и представил его адмиралу Рикорду.

дел с чином актуариуса»¹² и вскоре переехал в Петербург. Там он встретился с друзьями по гимназии и стал участником литературного кружка Гоголя¹³.

По-видимому, не без влияния Гоголя Базили начал заниматься литературной деятельностью. В эти годы он написал свои первые книги — «Архипелаг и Греция», «Очерки Константинополя», «Босфор и новые очерки Константинополя», а также серию статей («Коринф», «Босфор», «Стамбульские оригиналы», «Стамбульские библиотеки») ¹⁴. В них Базили описывает свое путешествие по Греции и архипелагу, посещение Смирны и Константинополя; много внимания он уделяет истории, культуре, быту населения Греции и Османской империи.

Книги Базили отличались от многочисленных других сочинений о Турции в первую очередь богатством фактического материала. То, что он провел детство в Константинополе, позволило ему остро подметить особенности быта и политической жизни страны, скрытые от европейца-путешественника. Базили удалось с большим мастерством, образно и ярко, воспроизвести жизнь османской столицы. Его описание одежды, жилища, пищи, быта, обычаев и поверий турок не потеряло значения и для современной этнографии.

Помимо собственных наблюдений, Базили пользовался сведениями из востоковедной литературы, в частности из сочинений Мураджи д'Оссона¹⁵.

Ранним работам Базили были присущи и существенные не-

¹² АВПР, ф. «Личные дела МИД», 1838, оп. 4641, ед. хр. 27, формулярный список о службе Базили.

¹³ Кружок в основном состоял из бывших воспитанников нежинской гимназии (Прокоповича, Данилевского, Кукольника, Гребенки, Мокрицкого и т. д.); см.: А. В. Никитенко, *Записки и дневник*, т. I, СПб., 1904, стр. 222; В. И. Шенрок, *Ученические годы Гоголя. Биографические заметки*, М., 1887, стр. 109; Т. Г. Пащенко, *Черты из жизни Гоголя* («Гоголь в воспоминаниях современников», М., 1952, стр. 45).

¹⁴ Халчинский полагает, что решение Базили издать эти книги возникло «под влиянием успехов» Гоголя и Кукольника... Среда, в которую окупился Базили по приезде в Петербург, подтолкнула его к литературным занятиям. Известно, что Гоголь интересовался литературной деятельностью Базили. Так, в письме к Н. Я. Прокоповичу из Парижа от 25 января 1837 г. он спрашивает: «Что ты ничего не пишешь обстоятельно о тех литературных новостях, которые, хоть и не так сильно выглядят (имеется в виду сравнение с Пушкиным. — И. С.), но дороги нам потому, что творцы их или кумовья, или другие близкие нам родственники, например Кукольник, Базили. Ты очень легко упомянул о „Художественной газете“. Можно бы даже привести отрывочек. Это было бы приятно. Также и о „Босфоре“. Нет ли там еще какого-нибудь реверанса?» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XI).

¹⁵ Нельзя не отметить большую эрудицию Базили. Он был хорошо знаком не только с востоковедной, но и с классической литературой.

достатки. В них отсутствовал материал об экономическом строе Турции. В погоне за занимательностью Базили подчас впадал в легковесность, уделяя немало места анекдотам, увлекался описанием разного рода экзотики. Наконец, далеко не все сведения оригинальны, многое почерпнуто из общеизвестной литературы. Однако нельзя не признать, что отдельные страницы написаны с подлинным литературным блеском.

В 30-х годах Базили успешно сотрудничал в периодических изданиях, писал статьи для «Энциклопедического словаря» Плюшара и «Военной Энциклопедии». Однако с конца 30-х годов в литературной деятельности Базили наступил длительный перерыв, вероятно, объяснявшийся его служебным положением. В 1837 г. он был направлен Министерством иностранных дел на Кавказ, в Комиссию для устройства Закавказского края¹⁶.

На Кавказе Базили имел серьезное столкновение с местными административными лицами, вызванное тем, что он «по долгу службы собрал нужные сведения о злоупотреблениях здешней полиции и об отнятии сеюкокосов у жителей»¹⁷. Этот факт косвенно свидетельствует, что работа в комиссии потребовала от Базили знания хозяйства Кавказа, познакомила его и с жизнью народных масс¹⁸.

В 1838 г. Базили был отозван с Кавказа и 24 декабря того же года определен на «открывшуюся по случаю смерти консула Мостроса вакансию российского консула в Яффе»¹⁹.

В августе 1839 г. Базили, находясь в Константинополе, получил инструкции от русского посла А. П. Бутенева и направился в Александрию для представления генеральному консулу графу Медуе, которому в то время подчинялись российские консулы и консульские агенты в Сирии, Ливане и Палестине.

Во время пребывания Базили в Александрии было решено перенести русский консульский пост из Яффы в Бейрут, куда он и прибыл 20 ноября 1839 г. Здесь, зимой в Бейруте, летом

¹⁶ «На основании высочайше утвержденного 18 мая 1834 г. журнала Комитета об устройстве Закавказского края назначен Базили помощником правителя дел комиссии, высочайше учрежденной для составления положения об управлении тем краем, и секретарем при председателе комиссии, бароне Гане» (АВПР, ф. «Личные дела МИД», оп. 4641, ед. хр. 27).

¹⁷ АВПР, ф. «Департамент личного состава и хозяйственных дел», оп. 7491, ед. хр. 1404а, л. 23.

¹⁸ По-видимому, на Кавказе он изучал общую экономическую литературу, потому что позднее, находясь в Сирии и изучая сирийскую экономику, Базили показал немалые экономические познания и проводил в некоторых донесениях параллели между соответствующими отраслями хозяйства Сирии и Кавказа.

¹⁹ АВПР, ф. «Департамент личного состава и хозяйственных дел», оп. 7491, ед. хр. 1404а, л. 23.

в ливанских горах, в монастыре Мар-Ильяс в Шуэйре, где позже останавливались Гиргас и Крымский, а еще позже жил Крачковский, провел Базили пятнадцать лет²⁰.

Годы пребывания в Сирии прошли для Базили в изучении страны, ее истории, экономики, этнографии и языка²¹. Он собирал арабские рукописи, которые пересылал в Россию, внимательно наблюдал за деятельностью ранних сирийских просветителей, интересовался сирийской церковной живописью. С полным основанием можно утверждать, что из поля зрения Базили не ускользнуло ни одно событие политической и культурной жизни Сирии тех лет. Дом Базили в Бейруте превратился в русский культурный центр в Сирии. Здесь останавливались во время своего путешествия в Палестину Гоголь²², поэт Вяземский²³, подолгу жил начальник первой русской духовной миссии в Иерусалиме, известный ученый Порфирий Успенский²⁴. Консульские донесения Базили представляют немалый

²⁰ За это время Базили многократно совершал поездки по стране.

²¹ Базили владел в совершенстве греческим, французским и турецким языками; трудно сказать, в какой степени он знал арабский язык, но, несомненно, изучал его. Из письма Базили к Гоголю (в июле 1850 г.) можно заключить, что в семье Базили говорили и по-арабски. Базили пишет о своем старшем сыне, которому было тогда около пяти лет: «Бьюсь без толку и пользы, чтобы мой Александр научился хоть сколько-нибудь по-русски — нет средства; кроме молитвы, ни слова не знает. Гувернантка французенка. Болтает и мой мальчик по-французски, точно парижанин, господи, прости! Даже по-гречески и по-арабски говорить перестал» (В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. IV, стр. 830).

²² Гоголь приехал в Сирию в начале февраля 1848 г., вместе с Базили ездил в Иерусалим и с его семьей вернулся в Россию (см. В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. IV, стр. 696).

²³ П. А. Вяземский совершил в 1850 г. путешествие на Восток, описанное в «Старых записных книжках» («Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. IX, СПб., 1884).

²⁴ Между Базили и Порфирием Успенским происходил обмен рукописями и научными сведениями. Небезынтересно для истории приобретения в России арабских рукописей привести несколько выдержек из переписки Успенского и Базили, хранящейся в архиве Академии наук в Ленинграде. В письме от 30 января 1851 г. Базили сообщает: «Вместо плохой рукописи ливанской хроники, одной из двух, погибших в море за два года перед сим (во время пересылки их Успенскому. — И. С.), для Вас готовится любопытная рукопись, а именно: история крестовых походов, писанная неким маронитским владыкою того времени. А ведь та ливанская рукопись, что у Вас есть, несравненно любопытнее и полнее другой, да сверх того она вовсе неизвестна, тогда как другая (потерянная) весьма известна и давно посланная мною в Петербург...» (Архив АН СССР, ф. 118, оп. I, № 50, л. 54). В «Книге бытия моего» (т. III, СПб., 1876, стр. 615) Успенский рисует портрет Базили тех лет: «Сам консул смугленький, худенький, вдовец, с проседью, остроумен, образован, честолюбив, раздражителен, нежен к своим детям и холоден ко всем прочим; говорит много, быстро, складно, умно, занимательно».

научный интерес. Многие материалы из них вошли в его книгу «Сирия и Палестина». В 1841 г. Базили направил в российское посольство в Константинополе «Записку о внешней торговле Сирии», которая была в сущности очень интересным исследованием экономических процессов, совершавшихся тогда в Сирии, Ливане и Палестине. Записка была опубликована в «Московских ведомостях»²⁵, но осталась незамеченной востоковедами.

В 1841 г. он написал в первом варианте работу, вошедшую позже в качестве приложения в книгу «Сирия и Палестина» под названием «Статистические заметки о племенах сирийских и о духовном их управлении». Эта работа имела этнографический характер и содержала материалы о положении религиозных организаций в Сирии.

В 1847 г. Базили закончил монографию «Сирия и Палестина под турецким правительством». Находясь в 1848 г. в отпуске в России, он сделал попытку издать ее²⁶, но цензура помешала этому.

В 1848 г., когда Европу потрясли революционные взрывы, издать в России книгу, в которой автор выражает сочувствие народной борьбе против ливанских и турецких феодалов, было невозможно. Не случайно книга увидела свет только в 1862 г., после земельной реформы в России²⁷.

Напряженная научная работа сочеталась у Базили с активной дипломатической деятельностью.

В 1853 г. Базили выехал в Европу, а затем вернулся в Россию. В годы Крымской войны он анонимно опубликовал в Париже и Брюсселе несколько брошюр о восточном вопросе и причинах войны, которые имели целью оправдать русскую политику в восточном вопросе²⁸.

Между 1855 и 1858 гг. Базили занимал ряд дипломатических постов: состоял при русском посланнике в Вене в 1855 г.; при представителе России на Парижском конгрессе в 1856 г.,

²⁵ «Московские ведомости», 1841, № 93—96.

²⁶ 14 июня 1848 г. жена Базили, Маргарита Александровна, писала Гоголю: «Муж мой все еще в Петербурге, занимается своею книгою, заставляет переписывать и проч.» (В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. IV, стр. 770).

²⁷ Книга была разрешена цензором к печати через два месяца после подписания Александром II «Положения 19 февраля».

²⁸ «Lettre sur l'état de la Turquie et la crise actuelle» Paris, 1853 (в 1854 г. эта работа вышла в России под названием «Письмо в Париж о нынешнем состоянии Турции); «La guerre d'Orient, ses causes et ses conséquences. Par un habitant de l'Europe continentale», Bruxelles, 1854; «L'Autriche et l'Allemagne dans la question d'Orient», Bruxelles, 1856 etc.

затем был назначен русским комиссаром в Международную комиссию, организованную в Константинополе для составления новых положений о Молдавии и Валахии. К 1860 г. Базили оставил государственную службу и поселился в Одессе.

В 1862 г. Базили, наконец, смог издать книгу «Сирия и Палестина» в том виде, в каком она была закончена в 1847 г., а в 1875 г. переиздать ее.

Все следующие годы своей жизни Базили занимался сельскохозяйственным предпринимательством (он имел земли в трех уездах Херсонской губернии) и общественной деятельностью помещичье-либерального характера. Он был активным земским деятелем, вице-президентом «Общества сельского хозяйства Южной России», принимал участие в составлении устава земского банка Херсонской губернии. Его политические взгляды в это время сильно поправились²⁹.

К востоковедной работе К. М. Базили больше не возвращался, если не считать написанных им нескольких брошюр³⁰. В последние годы жизни он занялся «приведением в порядок своих рукописей и мемуаров», о судьбе которых, к сожалению, ничего неизвестно.

Скончался Базили 10 февраля 1884 г.

Консульская деятельность К. М. Базили в Сирии. Прежде чем перейти к рассмотрению исторических взглядов Базили и к оценке его научного наследия, необходимо остановиться на его консульской деятельности. Это важно для определения идейных и политических истоков его книги, которая была плодом труда не кабинетного ученого, а, в известном смысле, участника описываемых событий.

Острый международный конфликт 1839—1840 гг. (он известен под названием «второго египетского кризиса»), в котором вопрос о Сирии был центральным, свидетельствовал о возросшем интересе европейских держав к этой части Османской империи. Этот интерес вызывался географическим положением Сирии, связывающей Средиземноморье со Средним Востоком, а через Курдистан — с Арменией и Закавказьем. Планы использования территории Сирии для создания водного или железнодорожного пути к Персидскому заливу возникли уже в первой половине XIX в. Со времени превращения Индии в ры-

²⁹ Эти изменения отразились в политических статьях Базили: «Беседа о конституции и о применении представительных начал в государственном управлении» и «Записка по еврейскому вопросу» (Одесса, 1881).

³⁰ «L'Empire Ottoman 1839—1877. L'Angleterre et la Russie dans la question d'Orient. Par un ancien diplomate», Paris, 1877.

нок сбыта и источник сырья возросла заинтересованность Великобритании в более коротком и удобном пути в Индию. В 30-х годах XIX в. в английских кругах возник проект прорытия канала между Оронтom и Евфратом. Для изучения условий судоходства по Евфрату было предпринято путешествие английского капитана Чеснея. Несколько позже появился план проведения железной дороги через Сирию к Персидскому заливу; ревностным сторонником и пропагандистом этого плана был английский консул в Алеппо Скин³¹.

Сирия, Ливан и Палестина представляли собой обширный рынок сбыта промышленной продукции западноевропейских держав. Еще в XVIII столетии между Англией и Францией шла борьба за преобладание на этом рынке. В 20—30-х годах XIX в. в Сирию устремился поток английских и французских товаров фабричного производства³². Активизировалась и политическое проникновение Франции и Англии в Сирию. Англия и особенно Франция имели там разветвленную сеть консулов, агентов и резидентов, как правило, обладавших большим опытом службы в Сирии, прочными (иногда родственными) связями с местным населением Османской империи³³. Консулы весьма активно вмешивались во внутренние дела провинции³⁴. Каждая из этих держав сумела к 40-м годам XIX в. создать в Сирии и Ливане политическую опору: Франция опиралась на

³¹ «Reports received from Her Majesty's consuls relating to the conditions of Christians in Turkey», London, 1861.

³² Результаты наплыва европейских товаров на сирийский рынок проявились уже к началу 40-х годов XIX в. В 1841 г. Базили на основании убедительных данных констатировал разорение мануфактурного и ремесленного производства в Сирии (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 718, л. 99, 100; см. также: «Московские ведомости», 1841, № 93—96).

³³ Французские консульские посты в разных городах Сирии иногда занимали члены одной семьи, несколько поколений которой служили здесь. Такова семья Гисов: Анри Гис, автор очень интересных сочинений о Сирии и Ливане, был в 30-х годах консулом в Бейруте, его брат Шарль — вице-консулом в Триполи, их отец, Альфонс также служил в Сирии (он умер в Триполи в 1812 г.). В Алеппо и Латакии служили два брата Жофруа и т. д. Полковник Черчилль (Черчилль-бей), поселившийся в Ливане в 1841 г., являлся английским резидентом; он был женат на представительнице ливанского дома эмиров Шахабов.

³⁴ До 30-х годов XIX в. в Сирии преобладало французское влияние, но затем положение начало изменяться. Французский журналист Б. Пужуля не без горечи отмечал, что «до 1830 г. англичане могли приезжать в Ливан только с паспортом, выданным консулом Франции. С 1840 г. Англия завоевала в этих районах с помощью друзей влияние невыносимое для будущего католиков этой страны» (B. Poujoulat, *La verité sur la Syrie et l'expédition française*, Paris, 1861, p. XXIV).

маронитское духовенство и маронитских феодалов, Англия — на друзских³⁵.

Политическому проникновению способствовала деятельность различного рода религиозных миссий. Еще в XVII в. в Сирию устремились иезуиты, за ними последовали францисканцы, лазаристы. Эти миссии получали крупные субсидии от правительства Франции и римского папы. Англия поддерживала деятельность протестантов, направляемых из США.

Растущая активность западноевропейских держав в Сирии не могла остаться незамеченной в России, не могла не беспокоить русские правительственные круги. Хотя основное внимание царского правительства было обращено на европейскую Турцию и проливы, азиатские владения турок в перспективе также могли представить интерес для русской торговли. Кроме того, усиление влияния той или другой державы в любой части Османской империи ослужняло восточный вопрос — один из центральных во внешней политике Николая I. Поэтому русская дипломатия была заинтересована в противодействии растущему влиянию Англии и Франции в Сирии.

Как известно, Россия претендовала на покровительство православным Османской империи³⁶, так же как Франция — католикам. Вследствие активизации католической, униатской и протестантской религиозной пропаганды и политической деятельности французских, американских и английских агентов в Сирии, Ливане и Палестине число православных там начало неуклонно сокращаться. Это беспокоило русское правительство. Не случайно центральное место в инструкции, переданной Базили при назначении в Бейрут, занимают наставления «по вопросу об интересах религии и восточной церкви, который не перестает интересовать императорский двор»³⁷.

Создание первой русской духовной миссии в Иерусалиме в 1847 г. и предварительная поездка Порфирия Успенского в 1843 г. в Палестину были вызваны стремлением организовать противодействие французской и английской религиозной политике.

Таким образом, задачи Базили были трудны, а политическая обстановка в Сирии — очень сложна. Она усугублялась резким обострением антифеодалной борьбы в Ливане. Из сказанного становится ясным, сколько ума, дипломатического такта, дальновидности и познаний требовалось от русского пред-

³⁵ Это не исключало стремления каждой из держав привлечь на свою сторону шейхов бедуинских племен и влиятельных откупщиков-мусульман.

³⁶ Во внутренней Сирии, Ливане и Палестине православные составляли почти третью часть всех христиан.

³⁷ АВПР, ф. «Главный архив», 1820, д. 4, л. 50.

ставителя, чтобы правильно оценить обстановку и успешно действовать.

Российская консульская служба в Сирии, Ливане и Палестине ко времени назначения Базили насчитывала около двух десятилетий своего существования, она была слаба и малоэффективна. Первый консульский пост был создан только в 1820 г. в Яффе, куда был направлен консулом предшественник Базили—Мострас. Назначение консула в Яффу, тогда еще незначительный административный пункт, объяснялось тем, что через этот приморский городок следовало в Иерусалим большинство российских паломников, защита интересов которых и составляла основную обязанность консульства. В 30-х годах XIX столетия в Сирии существовали, помимо консульства, несколько российских консульских агентств: в Алеппо, Латакии, Бейруте и Сайде³⁸.

Консульские агенты, вербовавшиеся преимущественно из местных торговцев, жалования не получали. Служба создавала для них известный почет и выгоды, связанные с использованием торговых и политических привилегий, распространявшихся на российских подданных. Свои обязанности они исполняли плохо. В сентябре 1839 г. генеральный консул в Александрии Медем жаловался послу в Константинополе Бутеневу на то, что агенты, занятые коммерческой деятельностью, боятся обострить отношения с турецкими чиновниками и в связи с этим слабо защищают интересы российских подданных³⁹. Столь же неудовлетворительно информировали агенты российского генерального консула о внутривосточном положении Сирии, а между тем эта последняя сторона их деятельности была не менее важна, так как до 50-х годов XIX в. в Сирии отсутствовала какая-либо периодическая пресса и информация о стране поступала лишь от очевидцев.

Познакомившись в самых общих чертах с организацией консульской службы в Сирии, Базили по приезду в Александрию предложил консулу Медему реорганизовать сирийское консуль-

³⁸ В Алеппо агентом был итальянец Пиччиото; в Сайде—левантинец Катафаго; в Бейруте—француз Шассо, одновременно консул Пруссии и вице-консул США; в Латакии—итальянец Мазулье. Агентства в Бейруте и Латакии организовал российский генеральный консул в Александрии А. Дюгамель, человек энергичный, немало потрудившийся над организацией русской консульской службы в арабских странах. Следует отметить, что со времени завоевания Сирии, Ливана и Палестины Мухаммедом Али русские агенты этой части Османской империи стали непосредственно зависеть не от посла в Константинополе, а от генерального консула в Александрии, именованного в связи с этим «генеральным консулом Египта, Сирии и зависящих областей».

³⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 680, л. 142.

ство⁴⁰. Базили считал необходимым перенести консульский пост в Бейрут, оставив в Яффе лишь опытного драгомана. Он предлагал распространить юрисдикцию консульства на всю Сирию и Палестину, назвав его российским консульством Сирии и Палестины.

Целесообразность этого плана очевидна. Бейрут за два десятилетия (1820-е и 1830-е гг.) превратился в политический и торговый центр, в нем сосредоточилась основная экспортно-импортная торговля Сирии. В Бейруте находились консульства европейских держав, а после восстановления турецкой власти туда была перенесена резиденция паши Сайдского пашалыка.

Предложения Базили были приняты⁴¹, однако с ограничением районов, подведомственных консульству. Бейрутом и Палестиной. В 1843 г. проект Базили был осуществлен полностью, консульские агентства Сирии перешли под его управление, а бейрутское консульство было преобразовано в генеральное.

Таким образом, организация русской консульской службы в Сирии в той форме, как она просуществовала затем около полувека, связывается с именем Базили.

Деятельность Базили в Сирии в качестве консула была многосторонней и разнообразной, начиная от участия в обсуждении и выработке административного статута Ливана и кончая нередко улаживанием ссор православных. О своей работе Базили писал: «Пятнадцать лет прожил я в Сирии и Палестине, с 1839 по 1853 г. Это были лучшие годы моей жизни. Служебная деятельность оставила во мне воспоминания утешительные. В бытность мою в Бейруте, на Ливане и в Иерусалиме, равно и в поездки мои в Дамаск, в Антиливан и во внутренние округи представлялись случаи облегчать судьбу христиан, бороться против тиранских властей, против фанатизма мусульманского и укрощать феодальные насилия и бесчинства. Не раз посчастливилось мне быть примирителем между враждующими племенами и спасать села и города. Считаю себя в праве упоминать об этом, потому что заслуги агента великой державы на Востоке должны быть приписаны не личности его, но званию, которым он облечен. Звание это сопряжено, правда, с тяжким трудом, с лишениями всякого рода, с опасностями»⁴².

⁴⁰ Реорганизация консульства, судя по инструкции, предполагалась еще до назначения Базили, но срок ее не был определен.

⁴¹ 3 декабря 1839 г. Базили сообщил графу Меду: «20 ноября павильон русского консульства торжественно открылся в Бейруте, салютируемый 21 залпом из пушек» (АВПР, ф. «Генеральное консульство в Египте», д. 56, оп. 820, л. 68).

⁴² К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. V—VI.

Как уже упоминалось, Базили внимательно наблюдал за брожением, охватившим народные массы Сирии в 40-х годах прошлого века. В августе 1841 г. в донесении в Константинополь Базили писал: «Еще невозможно оценить характер моральной революции, мощно охватившей страну, ее старые патриархальные институты пали в руинах... в стране, однако, нет еще сильного влияния или ясных принципов, которые могли бы занять место старых институтов, полмиллионное население Ливана не отдает отчета в своих желаниях и надеждах»⁴³.

Нельзя не признать, что подобная оценка событий говорит о глубине взглядов Базили на процессы, происходившие в те годы в сознании ливанского народа, еще только пробудившегося к борьбе против феодального гнета. Не укрылась от вдумчивого наблюдателя и слабая сторона этого процесса — стихийность.

Как известно, спустя два месяца после этой записи Базили, Ливан был потрясен друзско-маронитскими столкновениями. Поскольку друзско-маронитский конфликт был использован западноевропейскими державами для вмешательства во внутренние дела Сирии, он уже в начале 40-х годов превратился в вопрос большой политики. Им занималась не только Порта, но и правительства Англии и Франции. Французские и английские дипломаты выработывали проекты, предусматривавшие преобразование административного устройства Ливана.

Друзско-маронитский вопрос оживленно дебатировался в западноевропейской прессе и в многочисленных английских и французских публицистических работах. Все эти проекты и литература были призваны замаскировать политические расчеты западных правительств и поэтому носили на себе печать ярко выраженной политической тенденциозности.

Россия была непричастна ни к английским, ни к французским интригам в Ливане, ее политика в ливанском вопросе решительно отличалась от английской и французской, поэтому именно в русской литературе ливанские события нашли объективное освещение, которое создано в значительной степени благодаря трудам Базили.

Противопоставляя свою точку зрения на причины друзско-маронитского антагонизма «преобладающим в Европе ложным и пристрастным мнениям», Базили писал: «Религиозная вражда между двумя племенами была не поводом к войне, но ее последствием». Далее он подчеркивал, что друзья и марониты прежде «никогда не обнаруживали чувств взаимных ненавистей религиозных»⁴⁴.

⁴³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 718, л. 158.

⁴⁴ К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. II, стр. 41, 52.

В чем же видел он причину друзско-маронитского конфликта?

Спустя две недели после начала столкновений Базили сообщал послу в Константинополе: «Сильные потрясения прошлого года, неумение, а может быть даже коварство турецких властей, интриги французских агентов среди маронитов и их фанатического духовенства, перевес, данный Портой главе этого духовенства, суммы, посылаемые Францией и Австрией в виде милосердия, неспособность и упрямство принца гор и надежда друзов на поддержку Англии»⁴⁵, — вот что повлекло за собой «гражданскую войну».

Здесь, в этой самой первой своей оценке событий, Базили раскрывает роль Франции, Англии и турецкого правительства в провоцировании столкновений. Здесь же содержится намек, хотя еще и неясный, на социальные корни событий: «Сильные потрясения прошлого года» (восстание против египтян и эмира Бешира) были как раз причинами «моральной революции».

По мере того как разворачивались события, у Базили выкристаллизовывалось более ясное представление об их причинах. Об этом свидетельствует предложенный им в начале 1842 г. проект «умиротворения Ливана», о котором речь будет позже. В дальнейшем, летом 1845 г., в одном из донесений Базили уже совершенно четко формулирует свою мысль: «Борьба между общинами и феодализмом, которой различия рас и религий в смешанных районах придали характер гражданской войны, охватила все население Ливана»⁴⁶.

Взгляды Базили на причины друзско-маронитских столкновений изложены в его книге «Сирия и Палестина». Там он, в частности, пишет: «И само междоусобие 1841 г. было последствием попытки христианского народонаселения к свержению ига шейхов»⁴⁷. Вместе с тем он обосновывает мысль об ответственности Турции и Англии и разоблачает агрессивную политику западных держав в Сирии и Ливане.

Базили выступил с проектами внутренних преобразований в Ливане. В противовес своим коллегам (английскому и французскому) он полагал, что вопрос о верховной власти не является в Ливане самым важным и что «умиротворения» страны можно достигнуть только ограничением произвола властей и достижением «безопасности трудящихся»⁴⁸.

В январе 1842 г. сераскир Мустафа-паша, присланный Портой в Бейрут для урегулирования положения в Ливане (Порта

⁴⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 718, л. 184.

⁴⁶ Там же, д. 799, л. 234.

⁴⁷ К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. II, стр. 80.

⁴⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 736, л. 8.

была обеспокоена тем резонансом, который имел друзко-маронитский вопрос), конфиденциально обратился к Базили с просьбой представить «план действий» в умиротворении Ливана. Базили выполнил эту просьбу. По его мнению, надежным средством «успокоения» страны были «разоружение масс и отмена противозаконной власти шейхов и эмиров». Он полагал, что население должно найти у турецкого правительства поддержку и защиту «от домогательств шейхов» и считал возможным поставить во главе Ливана мусульманина-неливанца⁴⁹, а при нем создать советы представителей всех религиозных групп, которые рассматривали бы дела своих общин. План Базили предусматривал ограничение власти мукатаджиев⁵⁰ и разрешение им собирать «налог на неизменной основе» (т. е. без злоупотреблений).

Наконец, Базили выдвинул и такой тезис: «Собственность крестьянина может быть продана только крестьянину, собственность шейха или эмира — шейху или эмиру, собственность монастыря или церкви — монастырю или церкви»⁵¹. Таким образом Базили предложил план, в котором главное внимание было обращено на ограничение произвола феодалов, создание более централизованной системы управления страной и предотвращение дальнейшего обезземеливания крестьянства. В условиях Ливана, где еще в полной мере господствовали феодальные отношения, предложения Базили были прогрессивными. В противоположность русскому консулу английский консул стоял за полную неприкосновенность привилегий ливанских феодалов⁵².

Предложения Базили не были приняты турецкими властями, интересам которых соответствовал лишь пункт о передаче

⁴⁹ Там же, л. 9, 12 (курсив наш). — Базили еще питал иллюзии относительно реформаторской деятельности турок (это было начало эпохи танзимата). Предлагая поставить во главе Ливана мусульманина, турецкого подданного, он рассчитывал, по-видимому, что этот правитель будет проводить политику централизации управления Ливаном и вместе с тем не будет связан с ливанскими феодалами.

⁵⁰ Мукатаджи — владельцы крупных феодалов, мукатаа.

⁵¹ АВГР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 736, л. 12.

⁵² По этому поводу Базили писал: «Его (английского генерального консула. — И. С.) предшествующее поведение, если только оно не обязано его личным чувствам, дает место для подозрений, более или менее обоснованных, о взглядах его правительства в отношении населения Сирии. Он является ревностным сторонником феодального принципа и в качестве таковой он видит свой религиозный долг в поддержке принципа, особенно потому, что этот принцип, приложенный к современному моральному и политическому состоянию Сирии, представляет много шансов для успеха иностранных влияний» (АВГР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 736, л. 8).

верховой власти в Ливане мусульманину неливанского происхождения⁵³.

Последствием представления этого проекта была жалоба английского и французского консулов своим послам в Константинополе, в которой они обвиняли Базили в подделке Мустафы-паши вопреки интересам христиан. Базили получил от русского посла выговор за самостоятельные действия. В этот период Россия искала соглашения с Англией по турецкому вопросу и не желала ухудшать отношения с ней из-за Сирии⁵⁴.

В 1844 г., когда друзско-маронитский антагонизм вновь начал обостряться, Базили представил послу в Константинополе новый проект, на этот раз согласованный с английским и французским консулами. Основным тезисом этого проекта было предложение заменить власть мукатаджиев «властью муниципальной» (представительной). Отмена власти мукатаджиев, как полагал Базили, даст облегчение народу, который «часто протестует против этих людей, его истинных притеснителей»⁵⁵. Базили вновь предлагал образовать представительные советы при каймакамах и передать функции мукатаджиев по сбору налогов каймакаму, лишить судебной власти феодалов-шейхов и создать специальные суды для каждой религиозной общины.

В дополнение к проекту Базили направил послу письмо, в котором изложил свои особые взгляды на управление Ливаном (по-видимому, как раз те, которые он не смог согласовать с консулами). Он писал, что было бы желательно поставить во главе Ливана не двух каймакамов (это лишь усиливало бы

⁵³ Во главе Ливана турецкое правительство поставило в 1842 г. Омар-пашу, мусульманина, поляка по происхождению. Восстание друзов (осенью 1842 г.) против турецких властей в Ливане и давление держав заставили турецкое правительство отказаться от назначения на этот пост мусульманина-турка. Страна была разделена на две каймакамии — друзскую и маронитскую — во главе с каймакамами (друзом и маронитом), назначенными из крупных феодалов. Этот раздел не ослабил друзско-маронитского антагонизма.

⁵⁴ В 1842 и 1844 гг. Базили получил еще несколько напоминаний о необходимости действий, совместных с консулами западноевропейских держав. Понимая, что позиции Англии, Франции и России в ливанском вопросе решительно расходятся, Базили настаивал на разрешении действовать самостоятельно, тем более что консулы Англии и Франции проводили собственную политическую линию. Он писал: «Осуществить свою политическую линию мне выгоднее, чем всякому из моих коллег, потому что и с правительством в больших ладах, и мусульмане, и друзы, и христиане имеют много доверенности ко мне» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 736, л. 279).

⁵⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 780, л. 140.

друзско-маронитский антагонизм), а полновластного правителя, способного бороться с сепаратизмом феодалов⁵⁶.

План Базили 1844 г. оказал влияние на преобразования, осуществленные в Ливане Шекибом-эфенди, министром иностранных дел Турции, в начале 1846 г. после новой вспышки друзско-маронитских столкновений⁵⁷. Однако лишь в 1861 г., после новых кровопролитий и французской оккупации Сирии, Турция и европейские державы пришли к согласованным решениям о более существенных реформах внутреннего устройства Ливана. Международная комиссия, заседавшая в Бейруте, приняла так называемый Органический статут, провозгласивший автономию Ливана. Статут отменил власть мукатаджиев, ликвидировал друзское и маронитское управления. Во главе Ливана стал губернатор-христианин (назначаемый Портой), при котором создавались советы, ведающие сбором налогов; вводилось налоговое сближение всех слоев населения. Таким образом основные идеи Органического статута Ливана совпадали с предложениями, высказанными Базили еще в начале 40-х годов XIX века.

Сейчас трудно судить, могли ли оказать влияние на составителей Органического статута идеи Базили. Но даже, если оставить в стороне этот, несомненно, интересный вопрос, безусловно то, что Базили глубже своих западных коллег понимал и сущность происходивших процессов, и требования исторического развития Ливана. Но Базили не только правильно понимал события, он, как русский дипломат, активно действовал, и этот образ действия не был исключительно его личной заслугой. Какое бы неудовольствие посла и директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел ни вызывали некоторые самостоятельные шаги Базили, он оставался проводником политики русского правительства. Как пишет Порфирий Успенский, директор Азиатского департамента Сеньяин высказывался с неудовольствием о том, что Базили «берет на себя много лишнего, забывая, что он не министр, а второстепенный консул»⁵⁸. Тем не менее вплоть до Крымской войны Базили оставался генеральным консулом. В 1848 г. М. А. Базили пи-

⁵⁶ «Что касается спокойствия жителей и бедных Ливана и взимания налогов, то необходимо действовать в распределении налогов справедливо, подвергая всех собственников равному обложению. Так как те, кому теперь поручен сбор налогов, являются сами себе хозяевами, население ничего не может сделать против их воли, в результате бедные платят большую часть налогов» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 780, л. 147).

⁵⁷ Шекиб-эфенди создал советы при каймаках и ограничил власть мукатаджиев.

⁵⁸ П. Успенский, *Книга бытия моего*, ч. I, стр. 186.

сала Гоголю о том, что «Константина Михайловича приняли в Петербурге как нельзя лучше и что, надеюсь, утрата здоровья и ревность его в пользу службы не останутся без награды»⁵⁹. Когда Успенский попробовал бросить тень на деятельность Базили, Министерство иностранных дел взяло его под защиту, а Успенскому было указано, что «духовной особе следует писать о предметах духовных, а в политические дела не вмешиваться»⁶⁰.

Все это свидетельствует о том, что действия Базили в Сирии согласовывались с внешнеполитическими задачами русского правительства. Поскольку Россия стремилась ослабить позиции Франции и Англии в Сирии, русская дипломатия была заинтересована в подрыве социальной базы английской и французской агентуры в стране — дружеских и маронитских феодалов. Вместе с тем среди сирийского православного населения, на которое опиралось русское правительство в своей политике не было ни одной крупной феодальной светской фамилии; это были крестьяне, ремесленники и торговцы. Следовательно, для укрепления своей опоры в Сирии царское правительство в целом ряде вопросов должно было защищать через консула интересы этих слоев населения.

Однако в обстановке обострявшейся классовой борьбы решиться последовательно проводить подобную политику мог далеко не каждый дипломат, чиновник николаевской России. Базили же обладал широким политическим кругозором и питал искреннее сочувствие к страдавшему от произвола ливанскому населению. Мы едва ли встретим другого российского дипломата в Сирии, оставившего столь заметный след в истории дореволюционной дипломатической службы и внесшего столь важный вклад в укрепление русско-арабских связей. К сожалению, до сих пор ни в русской, ни в зарубежной исторической литературе эта сторона деятельности Базили не была оценена.

Исторические взгляды Базили. Базили начал изучать историю Сирии в чисто практических целях. В 1847 г. в предисловии к книге «Сирия и Палестина» он писал: «Пребывая в Сирии с 1839 года и следя собственным глазом все происшествия с Незибского сражения и прилежно изучая край и его племена, я, признаюсь, не прежде мог постигнуть происходившее перед моими глазами, как по обзоре предшествовавших событий и исторических фактов. Хотя предания старины не имеют, по-видимому, прямой связи с тем, что совершается или со-

⁵⁹ В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*. т. IV, стр. 770.

⁶⁰ П. Успенский, *Книга бытия моего*, ч. III, стр. 138.

вершилось на Востоке при нынешнем дипломатическом направлении Оттоманской империи, однако, служат они пояснением многих загадочных явлений, и в них таится, может быть, решение той великой задачи восточных дел, над которою неудоумевает и самый глубокомысленный политик»⁶¹. Несколькими страницами далее Базили продолжает: «Если книга моя будет включена в разряд материалов, изучение которых полезно при исследовании вопроса о судьбах Востока, то труд мой не потерян»⁶².

Эти высказывания проливают свет на задачи, которые ставил перед собой Базили, приступая к работе над книгой: он полагал, что, исследуя историю Сирии, можно открыть тайну решения «великой задачи восточных дел».

Что же подразумевал Базили под «судьбами Востока», и в чем он видел разгадку «великой задачи восточных дел», ту разгадку, ради которой он предпринял свое исследование?

Базили принадлежат замечательные слова: «Давно прошли для Азии те времена, когда европейский гений тридцатью тысячами войска и тремя сражениями решал судьбу этого странного материка. Народы азиатские таят сами в себе зародыш и гений своих грядущих судеб»⁶³. Иными словами, не в европейском завоевании и разделе державами Османской империи видел он решение судеб ее народов, но во внутреннем развитии этих народов, которое, как он полагал, заключается в разрушении «феодального общества» и рождении «муниципального строя»⁶⁴; и в этой смене одного «устройства» другим он видел «закон естественного развития гражданских обществ».

Взгляды Базили на направление внутреннего развития Сирии наиболее четко выражены в конце книги: «Мы приступаем к окончанию нашего труда; мы обзрели сирийские события в три последние века и тщательно исследовали начало и развитие феодального общества горских племен, продливших политический быт арабского элемента в сем краю под турецким владычеством. Мы усмотрели также первые признаки муниципального направления народных масс и влияние правительствен-

⁶¹ К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. XII—XIII.

⁶² Там же, стр. XVIII.

⁶³ К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. 82.

⁶⁴ Оговоримся, что в понятие «феодального общества» Базили, как его современники и более поздние буржуазные историки, вкладывал не социально-экономическое, а политико-юридическое содержание. По его мнению, «феодальное устройство» представляет собой такую организацию общества, для которой характерны децентрализация государственного строя и наделение политической властью феодалов. Феодальному образу правления он противопоставлял «муниципальное устройство» с представительными органами власти.

ных преобразований Османской империи на направление это, равно подчиненное повсюду законам естественного развития гражданских обществ. Мы видели борьбу этих двух начал и едва ли не последние торжества феодального права в ливанском обществе, предшествующем в гражданственности другим племенам огромной арабской семьи»⁶⁵.

Взгляд Базили на социальное развитие народов Османской империи тесно связан с воззрениями на их национальное развитие. Базили ярко обрисовал национальный гнет в Османской империи. «В Турции существуют племена, — писал он, — соприкованные в государство одною материальною силою. Посреди их племя самое грубое, отсталое и ленивое облечено правом владетельным»⁶⁶. В XIX в. под влиянием идей Французской революции и внутриосманских событий 30—40-х годов угнетенные народы империи просыпаются к политической жизни, однако с провозглашением Гюльханейского Хатт-и шерифа «открылась новая эра преследования... противу народностей... С той поры более чем когда-либо разлучился в Турции правительственный интерес от общественного и, сделавшись исключительно принадлежностью владетельного племени и касты, обусловился антагонизмом, который по необходимости существует между господином и рабом. Подвластным племенам осталась надежда внутреннего развития вопреки враждебных умыслов власти»⁶⁷. Базили уверен, что это развитие приведет народы к национальному освобождению. «Племенам сирийским, — утверждает он, — открывается теперь новая перспектива, а владычество турецкое, служащее препоню гражданственности, начинает уже колебаться в этой страдальческой стороне, подобно тому как колеблется оно в европейских областях империи»⁶⁸.

Таким образом, Базили полагал, что «судьбы» Сирии заключаются в национальном освобождении и социальном развитии в буржуазном направлении. Исходя из этого он считал необходимым осуществить в стране реформы, облегчающие это развитие, а именно: устранить феодальный произвол, отменить феодальные привилегии, создать «безопасность трудящихся», равенство всех слоев населения в вопросах религии, налогообложения и судопроизводства, по возможности отстранить турок от управления страной. В своей книге на материале исторического развития Сирии и Ливана Базили доказывал неизбежность подобных реформ.

⁶⁵ Там же, стр. 106.

⁶⁶ Там же, стр. 17.

⁶⁷ Там же, стр. 19.

⁶⁸ Там же, стр. 23.

Исторические воззрения Базили тесно связаны с его взглядами на политическое и социальное развитие Сирии и Ливана и, вероятно, в значительной степени ими определялись. Однако свое теоретическое оформление они получили под влиянием ряда направлений русской и западноевропейской буржуазных исторических школ.

Базили полностью разделял основное теоретическое положение буржуазной исторической мысли начала XIX в.: история является единым, закономерным процессом. В России этот взгляд на историю в 20—30-х годах (когда формировались исторические взгляды Базили) пропагандировали Эверс, Полевой и Погодин.

В историческом развитии общества Базили отмечал два периода: дикость (первоначальное состояние общества) и гражданственность⁶⁹. Поскольку он пользовался принятыми в литературе того времени терминами, он не считал нужным раскрывать смысл этих понятий⁷⁰. Базили отметил лишь одну, но характерную особенность периода «дикости», соответствующего в общих чертах доклассовому обществу — отсутствие частной собственности на землю⁷¹. В эпоху «гражданственности» историческое развитие, по представлению Базили, происходит в рамках феодального, а затем муниципального «устройства», для которого в общем характерны черты буржуазного строя.

Происхождение феодализма в Сирии Базили связывает с арабским завоеванием: «Арабское завоевание ввело в Сирию то феодальное устройство, которое и поныне существует»⁷². Здесь Базили заимствует историческую схему происхождения западноевропейского феодализма у французских историков эпохи реставрации (Гизо и Тьерри).

Смена феодального строя «муниципальным» происходит, как полагал Базили, в силу «законов естественного развития граж-

⁶⁹ Термин «гражданственность» соответствовал французскому la civilisation (цивилизация). Известно, что историей цивилизации в Европе занимался Гизо.

⁷⁰ Неопределенность терминологии, при помощи которой Базили определяет внутреннюю организацию общества, находящегося на стадии дикости, была присуща историческим работам того времени, в частности трудам русских кавказоведов. Родо-племенную организацию русские кавказоведы характеризовали как демократический строй, выделение сильной племенной верхушки давало «основание» называть строй аристократическим и т. п. Базили писал о бедуйских племенах: «Дедовские обычаи служат законами; а в патриархальном правлении племен сливаются воедино права монархические, аристократические и демократические» («Сирия и Палестина...», ч. II, стр. 128).

⁷¹ Базили сообщает: «Нет понятия о поземельной собственности, этой основы гражданского быта» («Сирия и Палестина», ч. II, стр. 127).

⁷² К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. 2.

данских обществ» и сопровождается «потрясениями, которым подвергаются обыкновенно народы, вскормленные феодальным началом»⁷³. Эти идеи являются едва ли не самой сильной стороной исторической концепции Базили.

Важной чертой взглядов Базили было представление о том, что историческое развитие есть всемирно-исторический процесс. Он полагал, что направление развития Ливана характерно для «многих восточных обществ». Очень интересны его высказывания об общности развития Сирии, Закавказья и Западной Европы: «Лучшая школа для пояснения темной и загадочной истории среднего века Европы есть, по моему мнению, Закавказский край и Сирия. Много исторических предрассудков о средних веках будут разрушены до основания, если при исследовании событий Западного мира от IX до XVI века будем иметь в виду современный нам общественный и частный быт племен Закавказья и Сирии. Каждое племя порознь может, по нынешней степени своего гражданского развития, служить отражением известной эпохи этого великого периода, в котором кроется начало новейшего западного общества»⁷⁴. Базили видел «общность» развития не только политической жизни, но в «домашнем быту» и «семейных преданиях».

Однако во взглядах на историческое развитие, как на единый закономерный процесс, Базили был непоследователен: Россию и славянские народы он изолировал от развития европейских стран. Это отступление вызывалось политическими соображениями, стремлением доказать, что в силу особых черт своего развития Россия и славянские народы не могут быть подвержены тем социальным потрясениям, которые пережили и переживают неславянские страны. Здесь Базили целиком следовал за Погодиным⁷⁵. Он писал: «...обнаруживается существенная разность политического развития славянских племен от всей остальной Европы. В самом деле феодальное право совершенно чуждо всем славянским племенам и лишь насильственно и ненадолго могло водворяться по временам у некоторых из них, как, например, в Польше. Никто не станет в русской истории смешивать княжеских уделов от Ярослава до Иоанна III, или водворившееся впоследствии крепостное право с феодальным устройством Западной Европы. Право общинное или муниципальное, которого коренное начало, хотя и искаженное с одной стороны введением рабства, с другой — непомерною адми-

⁷³ К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. II, стр. 107.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Эти взгляды, выдержанные в духе официальной «народности» и монархизма, Базили изложил в примечании, которое написал, по-видимому, накануне издания книги в 1861 г.

нистративную централизацию, сохранилось однакож в законодательстве нашем от волостного правления до дворянских выборов, пребывая в совершенной гармонии с народным чувством правительственного единодержавия. Начало это служит драгоценным достоянием всех славянских племен от Адриатики до Волги, от Балтики до Балканов, обеспечивая их в грядущем от тех потрясений, которым подвергаются обыкновенно народы, вскормленные феодальным правом»⁷⁶.

Базили разделял еще одно важнейшее положение передовой буржуазной исторической науки первой половины XIX в. о том, что субъектом исторического развития является народ. В своей книге он отводит народу активную роль; Базили не боится объяснить успехи эмира Фахра эд-Дина и шейха Дагера ибн-Омара в борьбе против турецкого правительства поддержки народа, и в свою очередь одну из причин их поражения он видит в последующем недовольстве народа их политикой. Так, например, он считает заслугой народа, но не турецких войск и англо-австрийского флота изгнание войск Мухаммеда Али из Сирии.

Из этого понимания значения народных масс в истории вытекает взгляд Базили на роль личности в историческом процессе. Здесь в его воззрениях проступают контуры концепции, согласно которой деятельность личности оценивается с точки зрения ее исторической целесообразности. Так, Базили высоко оценивал деятельность султана Махмуда потому, что, по его мнению, Махмуд руководствовался в своих действиях требованиями эпохи. «Махмуд, уже испытанный в борьбе с собственным племенем, с греками и с сербами, стал лучше понимать значение эпохи и приданное внутренними и внешними обстоятельствами новое направление судьбам Оттоманской империи»⁷⁷. Еще яснее высказывался Базили по этому вопросу при оценке деятельности Шекиба-эфенди: «Он не встретил больших препятствий ни в народных массах, ни в дворянстве, потому что предпринятое им преобразование было своевременным и соответствовало существенной потребности»⁷⁸.

Для русской исторической мысли 40—50-х годов XIX в. характерна переоценка роли государства в историческом процессе. Базили далек от этих воззрений. Государство в истории, по его представлению, не является самодовлеющей силой, как полагал, например, Соловьев. В центре внимания Базили стоит развитие общества, государственные формы которого он считал

⁷⁶ К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. II, стр. 107.

⁷⁷ Там же, стр. 18.

⁷⁸ Там же, стр. 108.

явлением производным. Базили допускал мысль о том, что общественные интересы могут вступать в противоречие с государственными и что тогда развитие общества происходит «вопреки умыслам власти»; в целом же в понимании государства он являлся буржуазным идеалистом.

В вопросе о том, что является движущей силой исторического развития, Базили остается на идеалистических позициях. В его представлении миром движут идеи. Так, он полагал, что причиной событий 1840-х годов в Ливане была «моральная революция», т. е. сдвиги, совершившиеся в сознании населения. Большую роль играют у него просветительские идеи: «Луч науки, истекший некогда с Востока на Запад и ныне отражаемый Западом на Восток, силён направить гражданское развитие обновляющегося Востока»⁷⁹, — писал он. Эти идеи у него эклектически соединялись с признанием влияния географического фактора. «Ни одна страна, может быть, не представляет столько разительных противоположностей, истекающих от физического ее образования и отражающихся в гражданском и нравственном быту ее жителей»⁸⁰. Он пытался связать происхождение феодализма в Сирии с ее географическими условиями, когда писал: «...феодалное образование сирийских племен было не случайным последствием завоевания или анархии, но, можно сказать, коренным законом физического образования края и духа его жителей»⁸¹. Однако при этом он впадал в противоречие с собственным положением о рождении и развитии феодализма. Так в общих чертах представляются общеисторические взгляды Базили.

Несколько слов об источниках, которыми пользовался Базили. Основными материалами для написания первых разделов книги явились арабские хроники и предания. Он использовал хроники Бустроса и Шахабов. Помимо этого Базили собирал устные свидетельства участников событий. Наконец, с 1839 по 1848 гг. он сам был наблюдательным и зорким свидетелем событий. Его связи с греками Сирии и Ливана, чему он был обязан своим происхождением, облегчили ему работу. В различных частях Сирии, Ливана и Палестины были у Базили информаторы, преимущественно греки, которые ставили его в известность о всех событиях.

⁷⁹ К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. 82.

⁸⁰ Как мы видим, Базили не создает оригинальных общеисторических концепций, он заимствует те философско-исторические представления, которые были распространены в буржуазной исторической науке того времени, причем делает это не всегда последовательно, временами эклектически сочетая различные исторические направления.

⁸¹ К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. 223—224.

Базили был знаком с сочинениями древних авторов — Страбона, Полибия, Флавия; он хорошо знал западноевропейскую литературу о Сирии. В предисловии к книге он сделал краткий, но содержательный обзор этой литературы.

Таким образом, труд Базили представляет собой своеобразный синтез арабской исторической традиции (в той части, где он заимствует материал из арабских хроник) и западноевропейской и русской передовой общественно-политической мысли. Этот труд явился первым в мировой арабистике сочинением по новой истории Сирии, написанным с прогрессивных для того времени позиций буржуазной исторической науки и до сих пор не утратившим своей научной ценности.
